

А.В. Нехаев

О ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЗАКОНА МАЛЫХ ЧИСЕЛ Р. КОЛЛИНЗА ДЛЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИКОВ

К числу проблем, имеющих принципиальное значение как для исторических, так и для историографических исследований, относятся следующие:

Во-первых, результаты исторических исследований редко имеют определенный, устойчивый характер, то есть эти результаты ценны только в пределах какой-то одной методологической эпохи или системы теоретических представлений. Следует отметить, что регионально-стадиальный подход характерен не только для изучения исторических процессов, но и в историографическом аспекте, то есть в осмыслении данных, полученных в русле тех или иных теорий и концепций исторического процесса.

Во-вторых, накопление результатов исторического познания идет преимущественно по экстенсивному пути, редко происходят эмерджентные переходы, когда на основе разнородных данных формируются масштабные теории или концепции исторических процессов.

В-третьих, существенно затруднена возможность проведения сравнительного анализа теорий и концепций, посвященных одному объекту исторического исследования. Данная задача вплотную соприкасается с проблемным полем историографии, поскольку именно историографическое исследование направлено на оценку и рефлексию результатов исторических исследований, отсюда и встает вопрос о возможности/невозможности сравнения разных по характеру, но имеющих один и тот же объект исследования исторических теорий и концепций; все это выливается в проблему оснащения историографии набором инструментов, позволяющих проводить количественные оценки тех или иных исторических теорий или концепций в интересах их последующего сравнения. Необходимость внедрения в современное историческое и историографическое исследования квантитативных процедур диктуется общим состоянием комплекса исторических дисциплин, который все более утрачивает внутреннее единство, все более специализируясь по узким областям. Накопленные на данный момент

© 2004 А.В. Нехаев

Омский государственный университет

Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию (грант А04-1.1-223)

значительные объемы разнородного материала нуждаются в серьезных генерализующих обобщениях ¹.

Целью настоящего исследования является обоснование теоретической возможности количественных оценок, а именно исчисления «коэффициента правдоподобности» исторических теорий и концепций. В работе намечено решение следующих задач, выделенных в два отдельных, но принципиально взаимосвязанных блока.

Во-первых, предстоит выяснить теоретическую возможность исчисления «коэффициента правдоподобности» для исторических моделей. В рамках данной задачи могут быть, в свою очередь, выделены подзадачи (подблоки):

1.1. Выявить необходимые для проведения такого рода оценок переменные.

1.2.1. Найти и аналитически записать отношения, в которых находятся данные переменные.

1.2.2. Опираясь на теоретико-исторические и макросоциологические подходы [3, 6, 15], а также ориентируясь на использование в исторических исследованиях категориально-системных методов и, в частности, инструментов качественного моделирования [8, 10, 11], предстоит оценить прогностические возможности закона малых чисел Р.Коллинза [7], а также определить его значение в процессе получения количественных оценок.

1.3. Установить диапазон значений, которые могут принимать переменные.

Во-вторых, необходимо выяснить значение предложенных количественных оценок для историографических исследований, найти и наметить подходы и направления для их использования.

1. Базовая формула для исчисления «коэффициента правдоподобности» исторических теорий и концепций

За основу настоящего исследования примем идею о том, что определенный объект комплексного исторического исследования, то есть такого, которое организует вокруг себя не менее чем на некоторое число поколений устойчивое пространство внимания, всегда получает представление хотя бы в одной исторической модели², носящей характер гипотезы, имеющей большую или меньшую

---

¹Необходимость проведения подобных «генерализаций» для комплекса исторических дисциплин уже привела к появлению специальных работ по вопросам исторической теории, поднимающих проблему согласования разных по теоретико-методологическому характеру теорий и концепций исторического процесса, которые в конечном счете являются эпистемологически равнозначными интерпретациями общего для них объекта. В целом исследования по этой проблеме носят синтетический характер, соединяя в себе исследовательские приемы и процедуры семиотики, герменевтики и вероятностной логики [6].

²Поскольку в тексте работы часто употребляются такие термины, как историческая модель, историографическая модель, необходимо раскрыть значение этих двух принципиально разных видов моделей. Под историографической моделью мы будем понимать такую модель, которая является реконструкцией пространства интеллектуального внимания, характеризующегося наличием определенного центра, его организующего, а также определенным числом позиций в этом пространстве. В качестве исторических моделей выступают, соответственно, те или иные теории и концепции исторического процесса, которые являются выражением конкретных позиций в интеллектуальном пространстве внимания.

степень правдоподобности. Таким образом, принимая во внимание то, что для любой исторической модели (в качестве исторических моделей, как уже отмечалось выше, выступают разнообразные теории или концепции исторического процесса) имеют значение такие характеристики, как, во-первых, *абсолютное временное запаздывание*, то есть хронологическое отставание выстраиваемой исторической модели от исторического события, на реконструкцию которого и направлена модель; во-вторых, масштаб объекта исторического исследования, или, иначе, *уровень исторического анализа*; в-третьих, степень *логической сложности* исторической модели и, наконец, в-четвертых, количество соперничающих в данном пространстве интеллектуального внимания исследовательских *позиций*, – мы можем дать аналитическое выражение для расчета «коэффициента правдоподобности» той или иной исторической модели. Расчет «коэффициента правдоподобности» для той или иной исторической модели возможен по формуле:

$$E(n, l, m, t) = l \left[nl \arctan(t) - \frac{l^{n-3}}{\arctan(t)} - \frac{m}{m+l} \right], \quad (1)$$

где $E(n, l, m, t)$ – «коэффициент правдоподобности», n – число соперничающих позиций (в данном случае исторических теорий и концепций) в поле интеллектуального внимания, l – логическая сложность той или иной исторической концепции, выступающих теперь как гипотезы о структуре, направленности, механизмах изменения, закономерностях и т.д. исторического процесса, m – уровень исторического анализа, t – абсолютное временное запаздывание исторической модели, реконструирующей исторические процессы.

Теперь с помощью формулы (1) проведем расчеты различных вариантов для определения $E(n, l, m, t)$ с учетом различных значений переменных n, l, m, t .

Аналитически выраженная в формуле (1) зависимость показывает, что для исторических теорий и концепций с высоким уровнем логической сложности (т. е. $l \geq 2$) «коэффициент правдоподобности» растет в диапазоне от *двух* до *шести* позиций (в полном соответствии с законом малых чисел Р.Коллинза). При выходе за этот интервал, при росте числа конкурирующих позиций в поле интеллектуального внимания больше *шести*, то есть при нарушении закона малых чисел Р. Коллинза для поля интеллектуального внимания, а именно когда мы имеем более чем *шесть* интеллектуальных позиций в поле внимания, идет резкое падение правдоподобности вплоть до отрицательных величин, что равносильно искажению взглядов на исторический процесс³.

Чтобы проиллюстрировать вышесказанное, найдем оптимальное количество интеллектуальных позиций для максимально высокого «коэффициента правдоподобности» при абсолютном временном запаздывании исторического описания

---

³Уместно в этом случае отметить также, что концепции исторического процесса образуют между собой гомеостатическую сеть, действующую в режиме компенсации возмущений, или в простейшем случае объединяются в пары по типу компенсационных гомеостатов, то есть образуют из двух неустойчивых систем одну устойчивую и не дают друг другу гипертрофироваться, выступая как внесистемное окружение друг для друга и, главное, выполняя функцию контроля по отношению друг к другу [5].

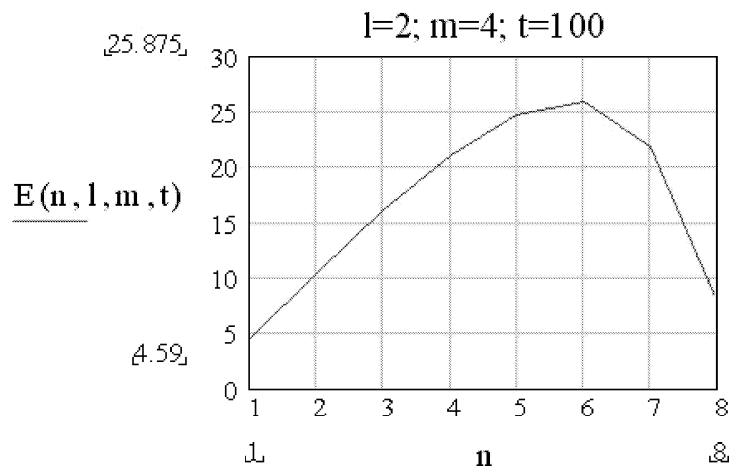

Рис. 1.

$t = 100$ (то есть исторические модели отстают по времени от описываемых исторических событий на сто лет), при интрасистемном или межсоциетальном уровне исторического анализа⁴ $m = 4$ и логической сложности концепций $l = 2$, составляющих данную историографическую модель. График «коэффициента правдоподобности» приведен на рис.1.

Таким образом, из приведенного графика видно, что оптимальным является шесть ($n = 6$) интеллектуальных позиций, при росте числа интеллектуальных позиций свыше шести ($n \geq 7$) наблюдается резкое падение правдоподобности исторических моделей, то есть закон малых чисел для полифакторных⁵ моделей (или моделей с уровнем логической сложности $l \geq 2$) соблюдается.

Изменение уровня логической сложности в сторону ее увеличения (например, $l = 3$) дает, соответственно, при том же уровне исторического анализа ($m = 4$) и абсолютном временном запаздывании ($t = 100$) иные результаты, а именно в данной ситуации оптимальным с точки зрения правдоподобности исторических теорий, уже является нахождение пяти позиций ($n = 5$) в поле интеллектуального внимания (см. рис.2).

Продолжая повышать логическую сложность исторических моделей, то есть при $l = 4$, и для удобства сравнения графических решений оставляя те же самые абсолютное временное запаздывание и уровень исторического анализа (а именно $t = 100; m = 4$), мы получаем следующее графическое решение (рис.3).

Оптимальное число позиций в интеллектуальном поле внимания снижается до четырех ($n = 4$), но при этом, как можно видеть из всех трех графиков, с повышением уровня логической сложности исторических моделей растет и величина $E(n, l, m, t)$, то есть возрастает правдоподобность исторических теорий и концепций. Опираясь на такого рода зависимость, мы можем утверждать, что, совершенствуя теоретические системы, мы одновременно совершенствуем и способы проверки этих систем – как с точки зрения процедур верификации,

⁴Подробнее об уровнях исторического исследования см. ниже.

⁵В рассматриваемом случае – дифакторных моделей, где $l \geq 2$.

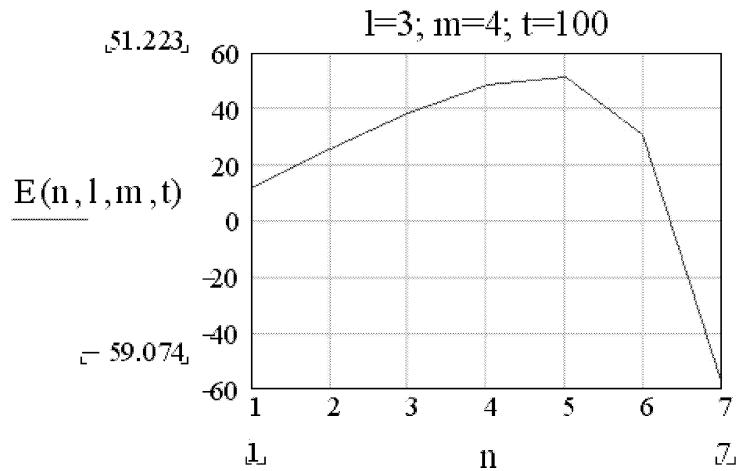

Рис. 2.

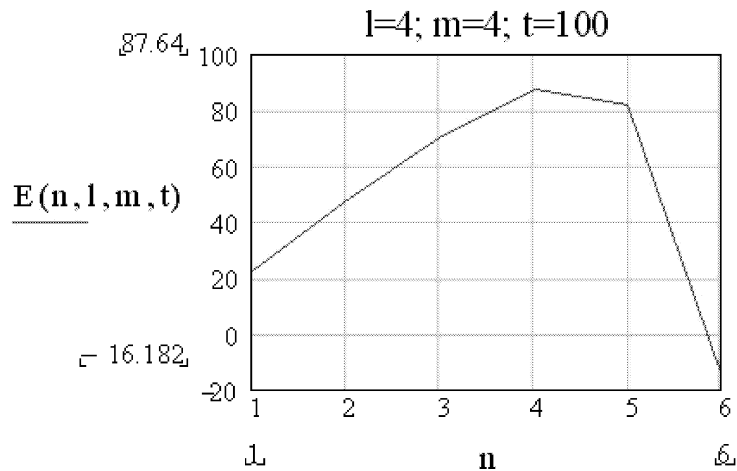

Рис. 3.

так и процедур фальсификации, что, в свою очередь, позволяет строить более правдоподобные исторические модели⁶.

Кроме прочего, данная зависимость, отраженная в формуле (1), показывает, что логическая сложность исторических концепций l нетривиальным/нелинейным

⁶Интересной в свете данной зависимости, отраженной в формуле (1), выглядит отсылка к древнеиндийской логике, а именно к вопросам, связанным с формулировкой тетралеммы. В контексте нашего рассуждения выход на тетралемму состоит в следующем. Предположим, мы продолжаем повышать логическую сложность вплоть до бесконечности ($l = 5, 6, 7, \dots$), любопытно, что при этом число оптимальных позиций в поле интеллектуального внимания не изменяется, оно остается равным четырем. Если обратиться теперь к формулировке древнеиндийской тетралеммы, то следует отметить, что тетралемма прямо указывает: если мы что-либо пытаемся познать, то по отношению к познаваемому объекту может быть лишь четыре познавательных позиции (эти четыре позиции онтологически исчерпывают любой объект). Вот эти четыре позиции: сущее – суть то; сущее – суть это; сущее – суть и то, и это; сущее – суть не то и не это.

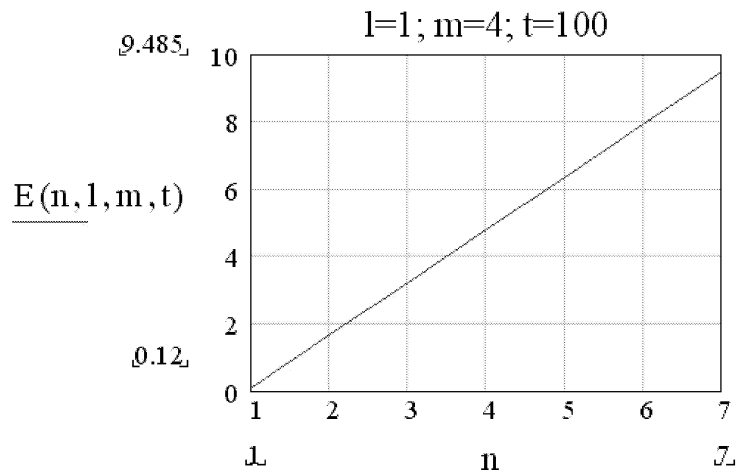

Рис. 4.

образом связана с «коэффициентом правдоподобности» $E(n, l, m, t)$. Так, если мы имеем исторические модели с минимальным уровнем сложности ($l = 1$), то есть некие монофакторные объяснительные модели, то происходит выход из-под действия закона малых чисел (рис. 4).

Получается, что с понижением уровня сложности концепций исторического процесса, с началом периода доминанции в историографии различных монофакторных моделей мы можем отметить и начало процесса дробления интеллектуальных позиций в поле внимания, то есть нарушение закона малых чисел. Данный процесс является следствием необходимости сохранения высокой степени правдоподобности моделей исторического процесса. Здесь указанный показатель («коэффициент правдоподобности») тем будет выше, чем большее количество монофакторных моделей мы вводим, то есть чем большее количество позиций находится в поле интеллектуального внимания. Повышение степени правдоподобности идет в этом случае *экстенсивным путем*, через описание исторического процесса с как можно большего числа сторон, то есть чем большее количество монофакторных моделей мы введем, тем точнее будет описан объект исследования, а именно исторический процесс. При этом здесь имеют место мало соотносимые при построении друг с другом модели исторического процесса (часто, по мнению их авторов, взаимоисключающие модели), хотя оставляющие при этом возможности для синтеза, поскольку принципиальным условием для синтеза будет здесь наличие одного и того же объекта исследования – исторического процесса, который просто описывается с разных, на первый взгляд, противоречащих или даже взаимоисключающих сторон⁷. Пересмотр (реинтерпретация) постулативной базы этих моделей и комбинация элементов разных исторических концепций ведет к повышению логической сложности⁸ и, что мы часто наблюдаем, к появлению синтетических теорий, которые, в свою оче-

⁷Такой исследовательский подход используется в методе категориальных рядов [13].

⁸В данном случае монофакторные модели выступают как своего рода строительный материал (полуфабрикат), для логически более сложных теорий и концепций.

редь, позволяют повысить степень правдоподобности описания исторического процесса, снизив при этом число интеллектуальных позиций в поле внимания – то есть это своего рода *интенсивный путь* развития историографии, позволяющий вернуть функционирование поля интеллектуального внимания в русло закона малых чисел⁹.

Следует особо отметить и тот момент, что монофакторные модели подвержены классическим методам верификации и фальсификации, опирающиеся, в свою очередь, на процедуры утверждающего модуса (*modus ponens*) и отрицающего модуса (*modus tollens*). Таким образом, именно в период доминанции монофакторных моделей мы можем наблюдать чисто попперианскую картину развития науки – постоянную смену одних гипотез другими, то есть некую умозрительную последовательность сменяющих друг друга гипотез – $H_1, H_2, H_3, \dots, H_n$, где каждая последующая гипотеза может быть получена из предыдущей путем добавления к ней вспомогательных условий или путем семантической переинтерпретации понятий гипотезы-предшественницы (например, с целью устранения некоторой аномалии), и при этом каждая гипотеза-последовательница имеет или, по крайней мере, должна стремиться иметь не меньшее содержание, чем непровергнутое содержание ее предшественницы. Обращая внимание теперь на полифакторные модели, следует отметить, что для их оценки как более сложных конструкций по сравнению с монофакторными моделями уместно использовать в том числе лемматические заключения – полилеммы, где число соответствующих дизъюнктов выражает меру логической сложности.

---

⁹Исходя из выше проведенного анализа действия закона малых чисел для пространства интеллектуального внимания, можно сделать вывод о том, что Р. Коллинз был совершенно прав, когда указывал на то, что любая интеллектуальная инновация идет либо через оппозицию, либо через синтез, которые можно обозначить как две генеральные интеллектуальные стратегии поведения в пространстве интеллектуального внимания. Далее, уже выделив эти две генеральные стратегии, мы теперь можем, в свою очередь, подвергнуть анализу ситуацию выбора между ними, который встает перед любым исследователем, пытающимся встроиться в интеллектуальные сети и основать свою собственную позицию в пространстве интеллектуального внимания. Основным критерием, диктующим предпочтение одной стратегии перед другой, является безусловно повышение правдоподобности исторических моделей, которая оказывается нетривиальным/нелинейным образом связана с законом малых чисел. Так, оптимальной интеллектуальной стратегией, в рамках историографической модели, как модели-реконструкции пространства интеллектуального внимания истории может выступать как оппозиция, так и синтез, в зависимости от имеющейся на момент анализа ситуации в пространстве интеллектуального внимания. Например, если количество полифакторных моделей превышает оптимальное для них число, то лучшей стратегией является синтез, в другом случае, когда количество позиций меньше, чем оптимальное число, есть прямой смысл основывать свою новую позицию, то есть предпочтение следует отдать интеллектуальной инновации через оппозицию, поскольку введение новой позиции в интеллектуальном поле внимания повышает правдоподобность исторических моделей. И, наконец, можно сделать еще одно замечание в связи с вышесказанным, а именно: в момент, когда оптимальной становится инновация через оппозицию, основание даже позиции с низкой степенью правдоподобности (или даже ложной позиции) повышает правдоподобность если не вновь основанной позиции, то хотя бы старых моделей («наша ложь повышает рейтинг чужой правды, то есть делает чужую правду еще более очевидной») – то есть перед нами своеобразный путь, который можно использовать для повышения правдоподобности моделей исторического процесса.

Исходя из всего вышесказанного, можно таким образом интерпретировать значения переменной l , то есть числовые значения уровня логической сложности исторических моделей:

$l = 1$ – это монофакторная модель. В такой модели нет внутреннего противоречия, здесь все механизмы можно уложить в какую-то одну общую тенденцию.

$l = 2$ – это дифакторная модель, предусматривающая внутреннее противоречие. В рамках этой модели работают какие-то две противодействующие тенденции, а сама модель имеет целью их согласование. Особо необходимо отметить следующий важный момент – эти две противодействующие тенденции работают одновременно/синхронно.

$l = 3$ – это синтетическая модель. В данной модели помимо двух противодействующих тенденций, формирующих внутреннее противоречие, есть еще и управляющий этим противоречием компонент, некий управляющий механизм.

$l = 4$ – это сетевая модель. Основная особенность такой модели заключается в том, что она уже включает в себя метатеоретический компонент, который позволяет в рамках единого исследовательского поля рассматривать две и более концепций.

$l \geq 5$ – это уже единая глобальная социально-историческая концепция изменения социально-исторического процесса, создание которой, по-видимому, возможно, но труднодостижимо ввиду чрезвычайной логической и иной сложности, сложности философского обоснования таких моделей и в целом уязвимости подобных глобальных проектов, а поэтому речь о появлении подобных моделей можно вести лишь с умозрительных/вероятностных позиций.

Для установленной в формуле (1) зависимости могут быть приведены графические решения и для других переменных. Например, можно графически выразить зависимость «коэффициента правдоподобности» от уровня логической сложности.

Так, из приведенного выше графика (5), данного для абсолютного временного запаздывания в сто лет ($t = 100$), при интрасистемном или межсоциетальном уровне исторического анализа ($m = 4$) и двух интеллектуальных позициях в поле интеллектуального внимания ($n = 2$) видно, что повышение уровня логической сложности лишь при двух интеллектуальных (как правило, полярных) позициях приводит к нелинейному росту правдоподобности исторических моделей.

В свою очередь, данная зависимость демонстрирует исследователю (6), приступающему к построению новой модели исторического процесса, что максимальной правдоподобности его описания из всего разнообразия исторических моделей (при этом таких, которые можно реально создать) достигают лишь

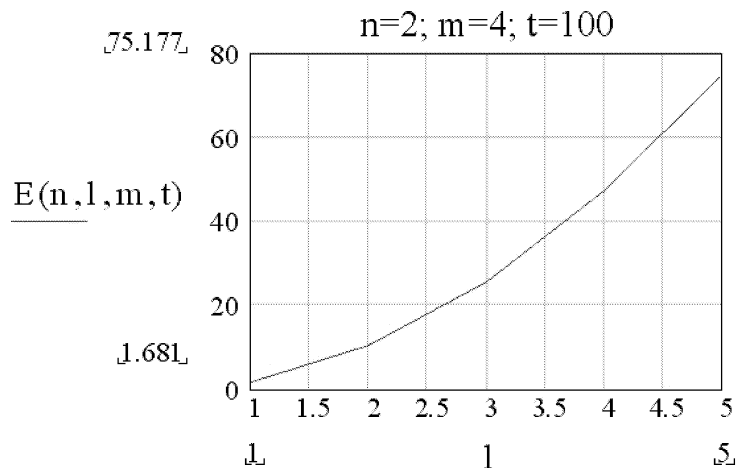

Рис. 5.

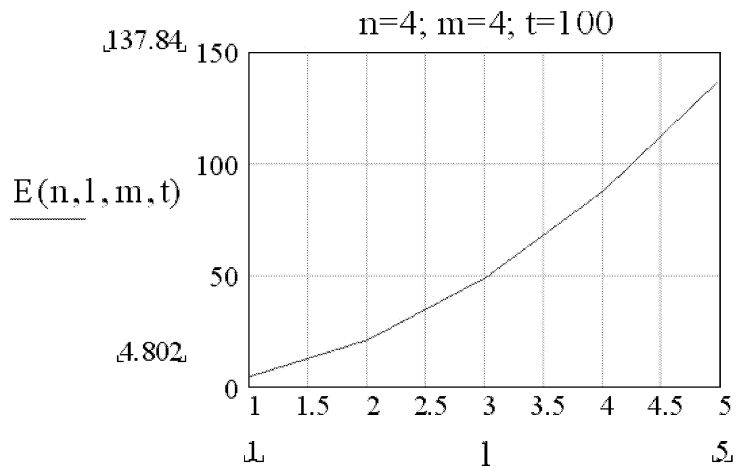

Рис. 6.

сетевые модели, то есть оптимальным значением логической сложности будущей исторической модели будет сетевой уровень $l = 4$. Историк-исследователь, таким образом, если он желает достижения максимально возможной правдоподобности описания исторического процесса, должен быть нацелен на создание именно сетевых моделей исторического процесса, то есть моделей, содержащих метатеоретический компонент, от которого, к сожалению, историки зачастую стремятся избавиться, оправдывая это все тем же стремлением к повышению правдоподобности своих моделей.

Следующая переменная в формуле (1) обозначена нами как масштаб объекта исторического исследования, или *уровень исторического анализа* – m . В наиболее теоретизированном и разработанном виде проблема масштабирования объектов исторического исследования или уровней исторического анализа представлена в работах, посвященных исторической социологии и теоретической истории, поэтому в интерпретации значений переменной m , выражающей

в формуле (1) уровень исторического анализа, мы будем опираться на уже имеющиеся результаты. Наиболее интересными в этой связи оказываются работы Чарльза Тилли, в которых он выделяет четыре уровня исторических исследований, а именно: всемирно-исторический, миросистемный, макроисторический и микроисторический [17]. Важные изменения и дополнения в иерархию уровней исторического анализа Ч.Тилли вносят работы по теоретической истории Н.С.Розова [16]. Опираясь на четыре различия для уровней исторического анализа, введенные Ч. Тилли, но отмечая их недостаточность, Н.С.Розов дифференцирует их, внося важные, на наш взгляд, дополнения. Так, Н.С.Розов предлагает в рамках миросистемного уровня, исходя из понятия «историческая система», которое выступает как родовое по отношению и к миросистемам, и к цивилизациям, и к ойкуменам, выделить два уровня¹⁰ : интерсистемный, или межсистемный, и кросс-системный, принципиальное различие которых состоит в том, с каких позиций ведется анализ исторических систем; если он проводится в целях сравнения исторических систем, но при отвлечении от их возможных взаимодействий и взаимовлияний – мы обозначаем его как кросс-системный; если анализ направлен на выявление существенных связей и вариаций внутри наибольших множеств сильно взаимозависимых социальных структур (иначе, исторических систем) и/или сравнение сильно взаимосвязанных исторических систем без отвлечения от их взаимодействий и взаимовлияний – перед нами интерсистемный, или межсистемный, уровень исторического анализа. Теперь необходимо уточнить уровень макроисторического анализа, который предлагается обозначить как интрасистемный, то есть направленный на изучение одной исторической системы, или межсоциетальный, поскольку любая историческая система в общем случае состоит из нескольких обществ, а изучение этой системы всегда предполагает изучение взаимодействий этих обществ. Далее, как совершенно справедливо отмечает Н.С. Розов, во многих сравнительно-исторических, социологических, политологических и экономических исследованиях общества сопоставляются как изолированные, а не взаимодействующие единицы. Исходя из этого постулируется необходимость выделения особого уровня исторического анализа – кросс-социетального. Продолжая диверсифицировать иерархию Ч.Тилли, Н.С.Розов указывает, что между микроисторическим уровнем, где основными объектами анализа выступают индивиды и группы, и социетальными уровнями (здесь основная единица анализа – общества), полезно поместить инфрасоциетальный уровень исторического анализа, острие которого направлено на исследование истории отдельных провинций, социальных институтов, больших социальных групп, классов и страт. И, наконец, последнее важное дополнение иерархии уровней исторического анализа связано с тем, что в ней, по мнению Н.С. Розова, Чарльзом Тилли вовсе не представлено так называемое направление «большой истории», охватывающей

---

¹⁰Отказавшись при этом от самого термина «миросистемный» как неудачного для обозначения уровня исторического анализа, поскольку данный термин уже закреплен за определенной парадигмой (миросистемным анализом), который к тому же прямо не указывает на то, ведется ли анализ в рамках одной миросистемы (Валлерстайн [2]) или с учетом сравнения нескольких миросистем (Чейз-Данн и Холл [18]).

человеческую историю, которое предлагается особо выделить и обозначить как уровень мегаисторического анализа [16, с. 402-404].

Таким образом, если принять в качестве основания для интерпретации значений переменной m систему уровней исторического анализа Гилли-Розова, можно получить следующие результаты:

$m = 1$ – *микроисторический* уровень. Основными объектами анализа выступают индивиды и/или группы (примерами исторических исследований, проведенных на микроисторическом уровне, можно назвать разнообразные исторические биографии, истории сообществ, групп, семей и т.д.).

$m = 2$ – *инфрасоциетальный* уровень. На данном уровне исторического анализа идет изучение отдельных частей и составляющих общества (например, это всевозможные истории какой-либо провинции, города, социального института или одной социальной страты в исследуемом конкретном обществе).

$m = 3$ – *интрасоциетальный* уровень. Данный уровень представлен традиционными историческими исследованиями, в которых объектом анализа выступает какое-то одно определенное общество.

$m = 4$ – *кросс-социетальный* уровень направлен уже на сравнительный анализ между обществами, но при отвлечении от эффектов их взаимодействий.

$m = 5$ – *интрасистемный*, или *межсоциетальный*, уровень исторического анализа. Здесь в качестве объекта исследования выступает какая-либо одна историческая система (например, миросистема, цивилизация или геополитическая ойкумена), а также взаимодействия между составляющими ее обществами.

$m = 6$ – *кросс-системный* уровень; в его рамках уже ведется сравнительный анализ нескольких исторических систем, но при отвлечении от их взаимодействий и взаимовлияний.

$m = 7$ – *интерсистемный*, или *межсистемный*, уровень. Здесь исследуются взаимодействия между историческими системами, а также проводятся сравнения взаимосвязанных исторических систем.

$m = 8$ – *всемирно-исторический* уровень. Основные сферы и объекты данного уровня исторического анализа — это структуры и процессы всего протяжения человеческой истории.

$m = 9$ – *мегаисторический* уровень (так называемая «большая история»). Это самый высокий уровень исторического анализа; объектами и сферами этого уровня выступают уже астрономические, геологические и археологические эры.

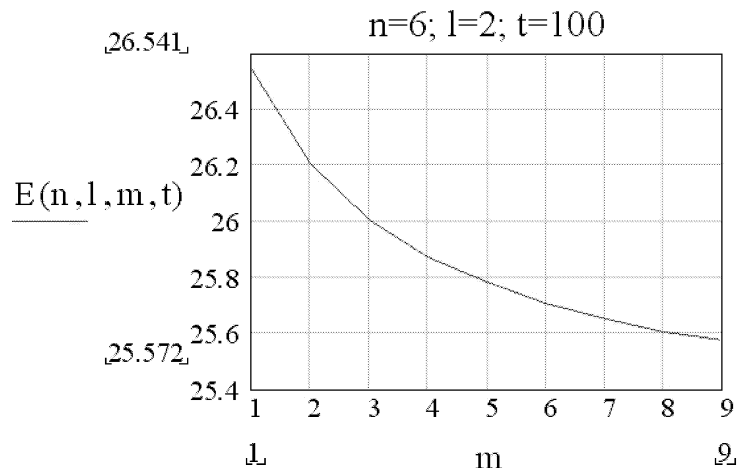

Рис. 7.

Если обратиться теперь к рассмотрению графика, представленного на рис.7, и вслед за этим к анализу зависимости, отраженной в формуле (1), можно увидеть, что логическая сложность (l) оказывается нелинейным образом связана с уровнем исторического анализа (m). Так, высокий уровень исторического анализа (m) диктует необходимость повышения уровня логической сложности (l) в целях сохранения высокой степени правдоподобности описания исторического процесса.

Функциональная зависимость, аналитически выраженная в формуле (1), позволяет получить интересные результаты и для четвертой переменной t — для абсолютного временного запаздывания исторических моделей. Значение переменной t , выражающей абсолютное временное запаздывание, интересным образом влияет на «коэффициент правдоподобности» (n, l, m, t), а именно правдоподобность резко растет в пределах 50 лет, то есть фактически в пределах двух поколений (см. рис. 8).

За двухпоколенным порогом правдоподобность описания исторического процесса историческими моделями начинает меняться очень незначительно. То есть можно говорить о том, что значение переменной t при выходе за двухпоколенный рубеж перестает оказывать существенное влияние на возможности исторических моделей точно отражать исторический процесс.¹¹ Для иллюстрации сказанного можно привести график, построенный для тысячелетнего интервала (см. рис.9).

Из графика (9) отчетливо видно, что, например, две исторические модели (при одинаковой логической сложности — в данном случае это дифакторные мо-

¹¹По-видимому, это связано с таким феноменом, как социально-историческая инерция, который указывает на тот факт, что, когда исторические события на материальном уровне уже закончились (например, подписан мирный договор, то есть война *de jure* считается оконченной), те же самые исторические события продолжают идти и, главное, оказывать по инерции влияние на массовое сознание на или через другие (нематериальные/духовные) уровни Сущего.

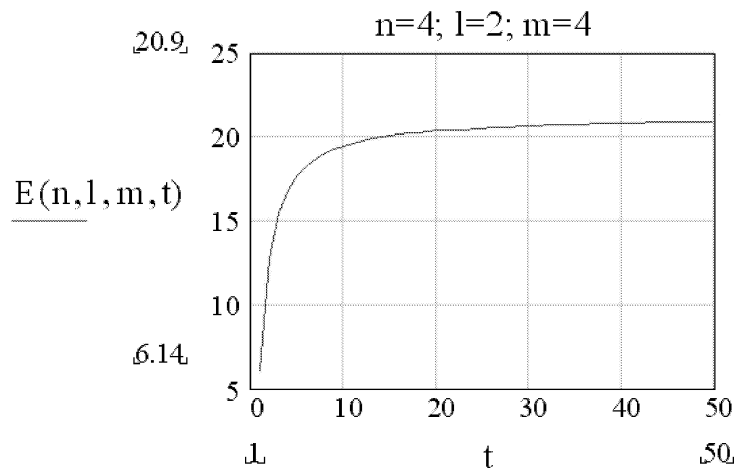

Рис. 8.

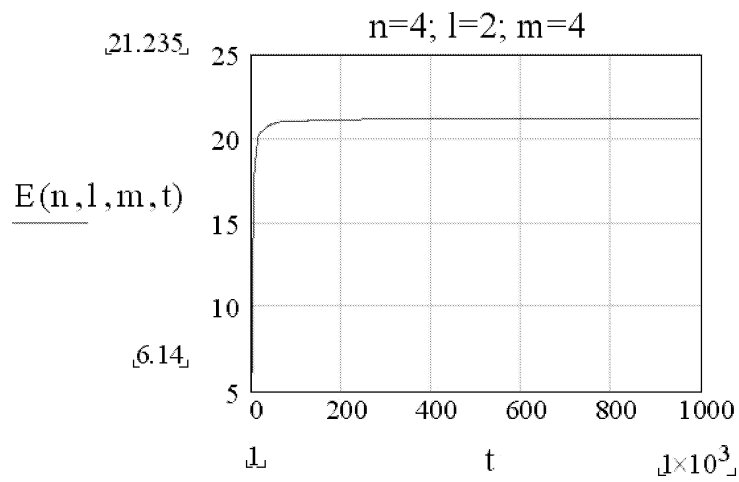

Рис. 9.

дели, где $l = 2$, а уровень исторического анализа интрасистемный/межсоциетальный – изучаются взаимодействия между обществами, составляющими одну историческую систему, то есть $m = 4$, и, наконец, обе эти модели исчерпывают все количество позиций в интеллектуальном поле внимания, то есть $n = 2$) с абсолютной временной задержкой t , соответственно, столетней для первой модели ($t_1 = 100$) и тысячелетней для второй ($t_2 = 1000$), обладают сопоставимыми «коэффициентами правдоподобности» $E(n, l, m, t)$. Так, $E_1(n, l, m, t) = 26, 254$, а $E_2(n, l, m, t) = 26, 419$, то есть по прошествии девяти сот лет с момента создания первой исторической модели, отражающей, например, какое-то историческое событие, теоретически возможная степень правдоподобности $E(n, l, m, t)$ новой (то есть второй) модели того же самого исторического события меняется незначительно, поскольку основной рост правдоподобности происходит в пятидесятилетнем интервале, разделяющем историческое событие и историческую модель этого события¹².

Необходимо ввести еще одно важное различие, которое связано с тем, какие значения может принимать переменная t , обозначенная нами как *абсолютное временное запаздывание*. Следует отметить, что среди исторических моделей, которые мы подвергаем анализу на предмет установления значения их «коэффициента правдоподобности», можно выделить два типа моделей – это *дискретные* и *континуальные типы исторических моделей*. Такого рода различие связано с фиксацией отражаемых двумя данными типами моделей исторических процессов на хронологической прямой. Так, *дискретная историческая модель* отражает некие исторические процессы, которые мы оцениваем как хронологически дискретные. Под дискретностью в данном случае понимается хронологическая ограниченность некоего отражаемого моделью исторического процесса, то есть эти процессы могут быть представлены на хронологической прямой отрезком определенной длины, который, в свою очередь, выражает временную длительность этих исторических процессов. Таким образом, исторические процессы расцениваются нами как дискретные, если относительно них можно сказать, когда они начались¹³ и когда закончились, и последний момент, то есть временная конечность, является для нас более принципиальным, чем первый, что связано уже со спецификой исторических процессов, отражаемых *континуальными моделями*. Итак, очевидно, что следующий тип исторических моделей, обозначенный нами как *континуальный* отражает исторические процессы иного рода, чем те, которые отражают дискретные модели. Принципиальная разница состоит в том, что процессы, отражаемые *континуальными моделями*, хронологически непрерывны, то есть они продолжают идти (иначе, длиться во времени) в момент формирования исторической модели, призванной их отразить. Получается, что процессы, отражаемые *континуальными историческими моделями*¹⁴, не могут быть представлены на хронологической

---

¹²Что как раз связано с феноменом социально-исторической инерции.

¹³Либо хотя бы, что они имеют начало во времени – некую точку на хронологической прямой; другое дело, что необязательно может иметься точная или достоверная информация относительно расположения этой точки.

¹⁴По-видимому, не случайно то, что континуальные модели носят зачастую историософ-

прямой как отрезки, а лишь как лучи; хотя такого рода процессы могут стать дискретными тогда, когда завершатся во времени, то есть будут ограничены на хронологической прямой с двух сторон и превратятся, таким образом, в хронологические отрезки, характеризуемые какой-то определенной временной длительностью.

Теперь необходимо вновь вернуться к вопросу о тех значениях, которые может принимать переменная t , тесно увязав его с описанными двумя типами исторических моделей. В *дискретных моделях* переменная t может принимать любые значения в интервале от единицы как минимально возможного запаздывания до всяких чисел больше единицы ($1 < t < \infty$). В *континуальных моделях* абсолютное временное запаздывание равно минимально возможному значению – единице ($t = 1$, то есть 1 году). Это связано с тем, что процесс, который продолжает еще развиваться во времени, длится, мы в интересах создаваемой теории или концепции оконечиваем, то есть ограничиваем на хронологической прямой и умозрительно расцениваем его как хронологически дискретный процесс, полностью при этом отдавая себе отчет в том, что на самом деле интересующий нас процесс продолжает реально длиться¹⁵. Отсюда можно сделать следующий важный вывод: из зависимости, аналитически выраженной в формуле (1), видно, что *континуальные модели* никогда не достигают таких же высоких значений «коэффициента правдоподобности» – $E(n, l, t, t)$, что и *дискретные модели*. Не достигают в силу того, что *континуальные модели*, в отличие от *дискретных*, строятся для описания еще не завершившихся исторических процессов, которые именно по причине их временной незавершенности (то есть в них всегда $t = 1$) нельзя проинтерпретировать каким-либо однозначным образом.

ский характер, то есть выступают как гипотезы о смысле, направленности или механизмах изменения исторического процесса, взятого как на всемирно-историческом уровне, так и на уровне конкретных обществ с той лишь разницей, что в последнем случае общество должно быть со-временным (экзистенциально синхронным), иначе говоря – существовать одновременно или синхронно с такого рода моделью. В целях иллюстрации сказанного можно привести следующий пример: теории исторического процесса в России являются континуальными историческими моделями, поскольку исторический процесс или историческое развитие России продолжает идти во времени, еще не подошло к концу; с другой стороны, теории исторического процесса Римской империи являются дискретными моделями, ибо историческое развитие Древне-Римского общества окончилось.

¹⁵Необходимость такого рода временного оконечивания ясно и четко сформулирована в рамках проекта теоретической истории, выдвинутого и отстаиваемого Н.С. Розовым. Так, в заочной полемике о принципах и самой возможности построения теоретической истории между К. Поппером и Н.С. Розовым [14], а именно в шестом «тезисе Поппера против теоретической истории», вполне аргументированно обосновывается невозможность да и ненужность «холизма тотальностей», то есть учета всех возможных признаков исследуемого объекта в выстраиваемой модели. Необходимым для теоретической истории признается, не «холизм тотальностей», а «холизм моделей», который, на наш взгляд, невозможен без временного оконечивания исторического процесса, в противном случае, выстраиваемая модель никогда бы не смогла расцениваться нами как законченная или целостная, а весь процесс ее построения свелся бы к бесконечному мониторингу всевозможных, пусть даже существенных изменений исследуемого объекта.

2. Историографическая оценка исторических моделей

Теперь, отталкиваясь от формулы (1), позволяющей производить расчет «коэффициента правдоподобности» описания исторического процесса историческими теориями и концепциями, можно перейти к вопросам, связанным с оценкой историографических моделей. Под историографической моделью в данном случае понимается совокупность исторических моделей (теорий или концепций) разной логической сложности с определенным абсолютным временным запаздыванием¹⁶, сформированных для описания и объяснения общего для всех них объекта исследования, выступающего как центр внимания, который организует интеллектуальное пространство. Историографические модели, таким образом, можно проинтерпретировать как модели-реконструкции некоторых участков пространства интеллектуального внимания, организованных вокруг определенных центров внимания. Итак, предположим, что мы имеем некую историографическую модель – модель интеллектуального пространства, которая имеет центр внимания – некий объект исследовательского интереса (в наиболее широком смысле весь исторический процесс либо какая-то его часть), организующий данное пространство. Эта историографическая модель также характеризуется определенным числом позиций в поле интеллектуального внимания, которые, в свою очередь, указывают на некоторое количество моделей, реконструирующих общий для них всех объект исследования – центр внимания¹⁷. Теперь опираясь на вычисленные по формуле (1) значения «коэффициентов правдоподобности» каждой из этих моделей, мы можем приступить к оценке историографической модели. Данная задача, была обозначена нами, как выяснение значения полученных количественных оценок для историографии, поиск методов их применения. Несмотря на отсутствие признанного специалистами методологического инструментария в гуманитарных дисциплинах, позволяющего корректно проводить такого рода оценки, в целом, им, в особенности в исторических исследованиях, отводится высокая роль. Высокая роль, которая пока подобным оценкам только авансируется, тесно увязана как с проблемой установления правдоподобности описания исторического процесса теми или иными историческими теориями и концепциями, так и с проблемой возможности оценки степени проработанности и/или эффективности проработанности тех или иных тематик исторических исследований. Вполне очевидно, что проведение такого рода работ без предварительно установленных количественных данных принципиально невозможно. Сами значения проработанности тех или иных тематик исторических исследований отражают степень открытости или закрытости той или иной тематики, а этот момент очень важен для историографических исследований, которые нацелены как раз на рефлексию по поводу

---

¹⁶При этом, значение абсолютного временного запаздывания для двух разных исторических моделей может быть как одним и тем же, так и отличным, поскольку эти исторические модели могут отстоять от отражаемого в них исторического события на разные хронологические отрезки.

¹⁷Как видно из подобного рода реконструкции, историографические модели являются не чем иным, как совокупностью определенного числа исторических исследований, посвященных одной определенной и общей для всех них теме.

состояния исторической науки в целом, так и, в частности, оценку состояния дел в разного рода тематических полях истории.

Расчет проработанности той или иной исторической тематики, реконструируемой в рамках историографической модели, возможен по комплексу формул, используемых в математической статистике [1, 4], но при этом, однако, не следует забывать о содержательно-смысловой специфике исследуемой проблемы, поэтому, соответственно, переменные в формулах необходимо переинтерпретировать для решения поставленных выше задач¹⁸.

Для удобства использования весь комплекс этих формул можно свести в одну общую формулу:

$$\varepsilon = \left(1 - \frac{\sqrt{\frac{1}{N} \sum_{k=1}^N \left[E_k - \left(\frac{1}{N} \sum_{k=1}^N E_k \right) \right]^2}}{\frac{1}{N} \sum_{k=1}^N E_k} \right) \cdot 100\%. \quad (6)$$

Комплекс формул (2), (3), (4), (5), (6), разработанный и применяемый в математической статистике, вполне годится для решения задач по расчету прора-

18

$$m_E = \frac{1}{N} \sum_{k=1}^N E_k, \quad (2)$$

где m_E – среднее значение «коэффициента правдоподобности» описания исторического процесса историческими моделями, N – число исторических моделей, входящих в историографическую модель (то есть количество позиций в интеллектуальном пространстве внимания); E_k – «коэффициент правдоподобности» описания исторического процесса той или иной исторической моделью, считается по формуле (1).

$$\sigma = \sqrt{\frac{1}{N} \sum_{k=1}^N (E_k - m_E)^2}, \quad (3)$$

где σ – среднее квадратичное отклонение от среднего значения «коэффициента правдоподобности», N – число исторических моделей, входящих в историографическую модель; E_k – «коэффициент правдоподобности» описания исторического процесса той или иной исторической моделью, рассчитанный по формуле (1).

$$\gamma = \frac{\sigma}{m_E}, \quad (4)$$

$$\varepsilon = (1 - \gamma) \cdot 100\%, \quad (5)$$

где γ – коэффициент вариации историографической модели – выражает отношения между средним отклонением от среднего значения «коэффициента правдоподобности» исторических моделей – σ и собственно средним значением «коэффициента правдоподобности» описания исторического процесса историческими моделями – m_E . В целом значение коэффициента вариации отражает, насколько вся совокупность взятых нами значений правдоподобности описания исторического процесса, которые рассчитываются по формуле (1), верно отражает описываемый данными значениями исторический процесс; σ – среднее квадратичное отклонение от среднего значения «коэффициента правдоподобности» описания исторического процесса историческими моделями; m_E – средняя правдоподобность описания исторического процесса историческими моделями; ε – «коэффициент разработанности» историографической модели, исходя из значения которого мы и можем судить о степени открытости/закрытости тех или иных тематических полей историографии.

ботанности той или иной исторической тематики, реконструируемой в рамках историографической модели, но при одном условии – если исследуемая историографическая модель не содержит в себе интеллектуальных позиций, имеющих отрицательные значения «коэффициента правдоподобности». В противном случае, расчет проработанности той или иной исторической тематики, реконструируемой в рамках историографической модели, возможен по модернизированному (в целях достижения заявленных в данной работе исследовательских целей) комплексу формул, используемых в математической статистике (7), (8), (9). Весь этот комплекс формул всецело определен проблемой отрицательного значения «коэффициента правдоподобности» (E_k). Данная проблема имеет как математические¹⁹, так и содержательные (философские) аспекты, которые и представляют для нас наибольший интерес, поскольку математические аспекты находят свое разрешение в проведенной модернизации формул, используемых в математической статистике²⁰. Уже отмечалось, что исходя из формулы (1) все исторические модели отличаются друг от друга определенной степенью правдоподобности описания исторического процесса (E_k), но при этом правдоподобность (E_k) может принимать и отрицательные числовые значения. Это происходит по многим причинам: сознательная фальсификация истории²¹, недостаточная логическая сложность модели, реконструирующей исследуемые исторические процессы, континуальный характер исследуемого исторического процесса, диктующий необходимость построения для него континуальной модели, а такого рода модели обладают крайне низкой правдоподобностью описания реконструируемых моделью процессов. В этом пункте встает серьезный вопрос, каким образом проводить оценку историографической модели, необходимо ли при этом учитывать исторические модели (интеллектуальные позиции), обладающие отрицательным значением правдоподобности (E_k), или их следует ис-

---

¹⁹ Анализ процедур математической статистики выходит за рамки данного исследования, но в целях пояснения, в чем собственно состоит математический аспект этой проблемы, следует отметить, что весь комплекс формул (7), (8), (9) направлен на расчет и оценку дисперсных процессов, то есть расчет среднеквадратичного отклонения от значения математического ожидания, иначе говоря, числовое значение дисперсии может быть проинтерпретировано как среднее значение допущенной ошибки. Казус состоит в том, что числовые значения дисперсии положительны как для отрицательных, так и для положительных величин, поскольку они рассчитываются с возведением этих величин в квадратную степень. Это связано, в свою очередь, с тем, что в математике как для положительных, так и для отрицательных величин специально не акцентируются содержательные стороны их значений, их отличие между собой состоит лишь в занимаемом на числовой оси положении. В контексте же данной работы содержательные аспекты с необходимостью учитываются, то есть отрицательные величины, приписываемые тем или иным историческим моделям, характеризуют их как модели, искажающие реконструируемые в их рамках исторические процессы.

²⁰ Собственно такого рода модернизацию нам и позволяет провести выстраиваемое ниже философское обоснование.

²¹ Сознательная фальсификация заключается не только и даже не столько в «исправлении» исторических документов, сколько в процессах сознательного экстерналистского вытеснения из пространства внимания чужих интеллектуальных позиций по причине их «классовой чуждости», «примитивности» и т. д., то есть утверждение одной-единственной «правильной» модели истории, при этом «правильность» данной модели оценивается обычно исходя из идеологических соображений.

ключить из расчетов, как модели, заведомо искажающие отражаемые ими исторические процессы. На первый взгляд, ответ очевиден – исключить их из расчетов как источник если не ошибок, то по крайней мере помех, затрудняющих проведение историографической оценки поля исторических исследований. Однако здесь необходимо учитывать один неявно присутствующий в данной работе тезис, который полностью соответствует социологическим взглядам Р. Коллинза и его глобальной теории интеллектуальных изменений (теории интеллектуальных сетей) [7]. Этот тезис заключается в том, что все позиции в интеллектуальном поле внимания принципиально оказываются расположены на одной плоскости, далее, организуясь вокруг центра интеллектуального внимания (в контексте данной работы – общего объекта исследования), эти позиции связаны между собой определенными отношениями, отсюда сама интеллектуальная сеть оказывается состоящей из определенного числа позиций в пространстве интеллектуального внимания, а также отношений²² между ними. Таким образом, пространство интеллектуального внимания с точки зрения внутренней структуры можно охарактеризовать как гетерогенное, то есть качественно неоднородное. При этом неоднородность тесно увязана как с местоположением интеллектуальных позиций в пространстве внимания, так и с теми значениями правдоподобности (E_k), которые принимают исторические модели, основанные в их рамках. Все перечисленные аргументы позволяют высказаться в пользу необходимости обязательного учета всех позиций в пространстве интеллектуального внимания, в том числе и тех, что конструируют в русле своей исследовательской программы исторические модели, имеющие отрицательные значения «коэффициента правдоподобности» (E_k).

Итак, теперь необходимо дать модернизированный комплекс формул, рекомендуемых к использованию для историографической оценки поля исторических исследований. Аналитическая запись первых двух формул (7) и (8) из этого модернизированного комплекса полностью эквивалентна формулам (2) и (3)²³.

---

²²Сам Р. Коллинз в рамках своей теории выделяет два типа отношений: вертикальные (учитель-ученик) и горизонтальные (отношения между школами). В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в данной работе исследовательский интерес в основном направлен на отношения последнего типа, то есть на горизонтальные отношения между соперничающими в поле интеллектуального внимания позициями (школами).

²³Аналитическая запись формулы (7) полностью эквивалентна формуле (2) с той лишь разницей, что все либо часть величин E_k может быть выражена отрицательными числами, а, соответственно, m_E – средняя правдоподобность описания исторического процесса всеми историческими моделями, входящими в исследуемую историографическую модель; N – число всех исторических моделей, входящих в историографическую модель; E_k – «коэффициент правдоподобности» той или иной исторической модели, считается по формуле (1). Аналитическая запись формулы (8) также эквивалентна формуле (3), и в ней, соответственно, σ – среднее отклонение от среднего значения правдоподобности описания исторического процесса всеми историческими моделями, входящими в историографическую модель; N – число всех исторических моделей, входящих в историографическую модель; E_k – «коэффициент правдоподобности» той или иной исторической модели, полученный по формуле (1).

$$m_{E^-} = \frac{1}{N^-} \sum_{k=1}^{N^-} E_k^-, \quad (7)$$

$$\sigma^- = \sqrt{\frac{1}{N^-} \sum_{k=1}^{N^-} (E_k^- - m_{E^-})^2}, \quad (8)$$

$$\varepsilon = \sqrt{1 - \frac{\sigma^-}{\sigma}} \times 100\%, \quad (9)$$

где m_{E^-} – средняя правдоподобность описания исторического процесса историческими моделями, имеющими *отрицательные* значения величины E_k^- ; N^- – число исторических моделей, входящих в историографическую модель и имеющих при этом *отрицательное* значение «коэффициента правдоподобности»; σ^- – среднеквадратичное отклонение от среднего значения правдоподобности описания исторического процесса историческими моделями, но только для моделей, имеющих *отрицательное* значение «коэффициента правдоподобности» E_k^- ; ε – «коэффициент разработанности» историографической модели, исходя из значения которого мы и можем судить о степени открытости/закрытости тех или иных тематических полей историографии.

Произведенные вычисления позволяют оценить в процентном отношении закрытость/открытость для исследований той или иной исторической тематики. На основании полученного результата мы можем говорить о том, что при сохранении данного положения дел (например, без серьезного методологического переворота, понимаемого как некий *эмерджентный переход*) в этой тематике не предполагается принципиального переворота – тематика закрыта, либо, наоборот, данная тематика открыта для исследования, и следует основывать свою интеллектуальную позицию в целях повышения уже разработанности историографической, а не исторической модели.

Заключение

На данный момент можно с уверенностью сказать, что затяжные (начавшиеся еще с середины XIX века) методологические споры в истории продолжают, причем по-прежнему можно четко обозначить две «линии фронта», которые делят все научное сообщество историков на противоборствующие лагеря. Во-первых, следует отметить уже ставшую во многом «классической» линию разведения всего комплекса научных дисциплин на «науки идеографические» и «науки номотетические»²⁴. Во-вторых, имеющая не менее серьезное значение линия методологических споров о соотношении в историческом исследовании качественных и количественных процедур и эвристических методик. Вполне очевиден приоритет и более глобальный масштаб первой «линии фронта», а вот

²⁴В качестве эквивалента этим неокантианским различиям, хотя лишь в определенной степени, можно указать знаменитые дильтеевские «науки о природе» и «науки о духе».

вторая линия в целом носит подчиненный характер, но успешное или неуспешное решение задач, проходящих в русле этой линии, обусловит в конечном счете, соотношение сил в противоборствующих лагерях историков, и столь долгое время ожидаемый полноценный «номотетический синтез» в гуманитарных дисциплинах произойдет. Такое положение дел в социально-гуманитарных дисциплинах, и в истории и историографии в частности, позволяет сформулировать идею о необходимости выработки исследовательской программы, основной проблемой которой было бы прояснение теоретических и метатеоретических (философских) оснований возможности *корректного* внедрения количественных (количественных) методик в историческое исследование. Решению именно этой проблемы и была посвящена работа.

В целом итоги проведенного исследования можно сформулировать по трем основным линиям исследовательского интереса. Во-первых, была выявлена теоретическая возможность внедрения механизмов количественных оценок как в историческое, так и в историографическое исследования. Во-вторых, проведенный теоретический анализ позволил адекватно ввести математические инструменты количественных (количественных) оценок в процедуры исторического и историографического исследований. Так, в частности, была получена и исследована формула для проведения количественной оценки и расчета «коэффициента правдоподобности» описания историческими теориями и концепциями своих объектов исследования; в связи с чем было раскрыто значение закона малых чисел Р. Коллинза для поля истории и историографии, а также уровня или масштаба исторического исследования, логической сложности и, наконец, абсолютной временной задержки исторических теорий и концепций от описываемых ими процессов. Во-вторых, разработан с учетом содержательно-смысловой специфики поля историографии модернизированный комплекс формул, который позволяет производить историографическую оценку исторических теорий и концепций хотя и разных по характеру, но имеющих общий центр внимания, выступающий для них как объект исследования – проблема. Все полученные результаты позволяют указать в качестве перспективы разработку и *корректное* распространение такого методологического инструментария, который бы содержал в себе процедуры и механизмы количественных (количественных) оценок на все поле социально-гуманитарных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бендат Дж., Пирсол А.В. *Измерение и анализ случайных процессов*. М.: Мир, 1974.
2. Валлерстайн И.В. *Миросистемный анализ* // Время мира. Вып.1. Новосибирск, 2000.
3. Гемпель К. *Функция общих законов в истории* // Вопр. филос. 1998. N.10.
4. Гнеденко Б.В. *Курс теории вероятностей*. М.: Наука, 1969.
5. Горский Ю.М. *Основы гомеостатики*. Ч.1: Единство мироздания, основные постулаты взаимодействия антагонистов, раскрытие информационной сущности закона

- единства и борьбы противоположностей: курс лекций. Иркутск: Изд-во Иркутской экономической академии, 1995.
6. Дука О.Г. *Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического процесса с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примерах современной российской историографии)*. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2001.
  7. Коллинз Р. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
  8. Ладенко И.С., Разумов В.И., Теслинов А.Г. *Концептуальные основы теории интеллектуальных систем (систематизация методологических основ интеллектики)*. / СО РАН Ин-т Философии и Права. Отв. ред. И.С.Ладенко. Новосибирск, 1994.
  9. Никаноров С.П., Никитина Н.К., Теслинов А.Г. *Введение в концептуальное проектирование АСУ: анализ и синтез структур*. М., 1995.
  10. Никаноров С.П. *Социальные формы постижения бытия* // Вопр. филос. 1994. N.6.
  11. Разумов В.И. *Качественный анализ в исследовании сложных предметных областей* // Интеллектуальные системы и методология: Матер. научно-практич. симпозиума «Интеллектуальная поддержка деятельности в сложных предметных областях». Вып.5. Новосибирск, 1992.
  12. Разумов В.И. *Качественный анализ в организации комплексных исследований* // Региональная Западносибирская научно-теоретическая конф. - Ч. 1. - Кемерово, 1987.
  13. Разумов В.И. *Метод «Категориальные Ряды» в моделировании и интеллектуальной культуре* // Методологические концепции и школы в СССР (1951-1991). Вып.3. Новосибирск, 1994.
  14. Розов Н.С. *Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера* // Вопр. филос. 1995. N.12.
  15. Розов Н.С. *Теоретическая история – место в социальном познании, принципы и проблематика* // Время мира. Вып.1. Новосибирск, 2000.
  16. Розов Н.С. *Философия и теория истории*. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002.
  17. Тилли Ч. *Будущая история* // Время мира. Вып.1. Новосибирск, 2000.
  18. Чейз-Данн К., Холл Т. *Две, три, много миросистем* // Время мира «Структуры истории». Вып.2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.